

● КНИЖНАЯ ГРАФИКА

ПОСВЯЩАЕТСЯ ГОГОЛЮ

ОН С ДЕТСТВА носил в себе впечатления от украинской глубинки, от пережитого и увиденного им в селе Балакиры Хмельницкой области. И давно считал Гоголя своим самым любимым писателем. Долгое время он не решался подступаться к миру героев писателя. Поэзия Гоголя захватила воображение Вацлава Зелинского, когда он стал создавать свой цикл о его времени, о знаменитых образах «Невского проспекта», «Мертвых душ» и других произведений великого писателя. Эти работы были выставлены в залах ЦДРИ и ЦДЛ и тепло приняты москвичами. Теперь выставка гостит в стенах Долгопрудненской картинной галереи.

А ведь среди иллюстраторов Гоголя — известные художники: от современников писателя А. Агина и П. Боклевского до советских графиков А. Кравченко и В. Фаворского. И хотя у Зелинского можно найти влияние стиха А. Кравченко, В. Фаворского и даже Д. Бисти, он все же нашел свою режиссуру линогравюрного цикла. Он перевел Гоголя на язык

станкового эстампа. Это позволило ему свободно повествовать не только о персонажах Гоголя, но и о жизни писателя. И если литературные путешествия героев всегда метафоричны, язвительны, отдают языком народного балаганчика, то скитания самого писателя запечатлены в мужественном, суровом строе композиций. Вот Гоголь на развилке нескончаемых российских дорог,

Гоголь в Риме, в Петербурге, в толчее Невского проспекта. Фигура писателя в этих листах монументальна и динамична, как и его слово. Этот Гоголь — очевидец, свидетель времени. Зелинский словно напоминает нам, что Гоголь был какое-то время историком, автором курса всеобщей истории в Петербургском университете. Но гравер показывает нам и творца. Вот он,

просветленный гигант, в созданном им людском театре жизни. Выхваченная светом монументальная фигура писателя выситя у края «театра Гоголя», любовно и насмешливо оценивает созданный им и чудесно оживший мир.

Мир Гоголя, запечатленный в графической серии, теперь живет по своим законам. Художник не боится бутафорских метафор в описании этого вечного живого театра Гоголя. Вот приоткрывается молчаливая работа вездесущих рук взяточников, рук, протыкающих все препоны, даже потолки и стены. Вот курьезные макеты «немых сцен», закулисные блошиные шушуканья, сплетни уездного городка. Масштабная укрупненность ключевых деталей, сцен, фигур или, напротив, суетная «мелкоскопия» интересов, страстей чиновничьего мира — все это читается в гоголевской серии Зелинского.

Остроумный монтаж сцен жизни России прошлого века делает цикл линогравюр Вацлава Зелинского интересным; графика побуждает еще и еще раз перечитать, перечувствовать и глубже узнать поэзию русского гения.

Л. ДЬЯКОНИЦЫН,
член Союза художников СССР.